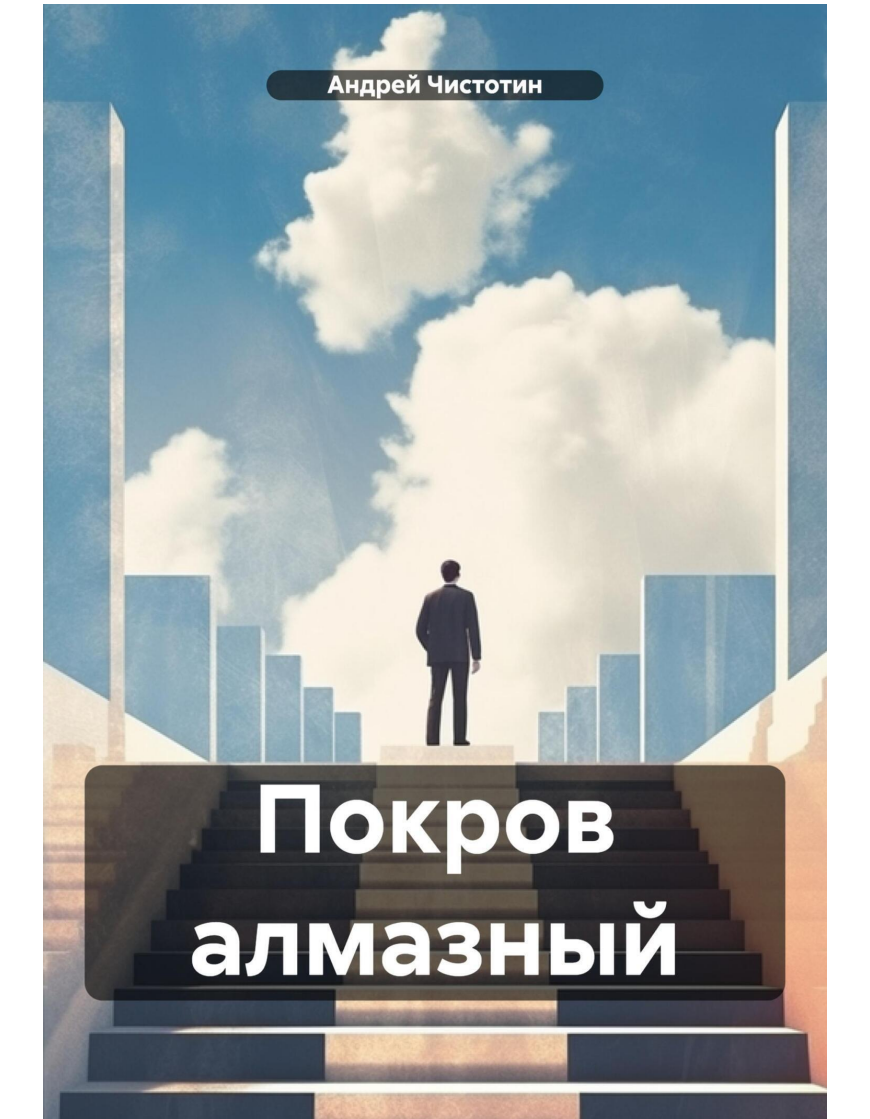

The background of the cover is a stylized illustration. At the bottom, a wide staircase with alternating dark and light steps leads upwards. A man in a dark suit stands on a small platform at the top of the visible stairs, looking out over a city skyline. The skyline consists of several blue, rectangular buildings of varying heights. The sky is a vibrant blue, filled with large, fluffy white clouds. The overall composition suggests themes of aspiration, progress, and reaching a goal.

Андрей Чистотин

Покров алмазный

Андрей Александрович Чистотин

Покров алмазный

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71547985

SelfPub; 2025

Аннотация

Чистотин Андрей Александрович

Родился в 1941 году в Вологде, окончил Вологодский государственный педагогический институт. Преподавал физику в школе, трудился в подразделениях Министерства связи и компании "Ростелеком", после выхода на пенсию работал на кафедре физики в ВоГУ. Увлекался пением и более сорока лет пропел в в Вологодской городской капелле имени В.М. Сергеева, выезжал на гастроли с коллективом по России и другим странам.

Писать стихи начал в зрелом возрасте, во время рабочих командировок на Русский север и в Туркмению. В своих произведениях часто затрагивает темы красоты природы, глубины человеческих чувств, героизма русского народа.

Участвовал в литературных семинарах под руководством вологодских поэтов Виктора Коротаева и Галины Щекиной. Публиковался в местной периодической прессе, в сборниках серии "Библиотека современной поэзии," в альманахе "Двойной тариф" и в альманахах Российского союза писателей, вошёл в число авторов

Содержание

Снег невинный	4
Айя – София	6
Апрель	7
Сердце наше	9
Русский мир.	11
Дирижор	13
Всё зацвело	14
Подвальчик	15
Ноябрь	17
За наши лопухи	19
Нить Ариадны	22
Не надо рая.	24
Мой перезвон	25
Я ж у счастья трубочист.	28
Красненький дьячок.	29
Бойся данайцев.	31
Синий всадник.	32
Прости и сохрани любовь. Поэма.	33
Абстрактный пейзаж.	38
Перо кровавое в поту.	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрей Чистотин

Покров алмазный

Снег невинный

Покров алмазный, снег невинный
как белой ночи простыня,
укрыла ты страды овины
и волос страсти у меня.

Луна светильная покрыла
седой закваской полынью,
шаг не поможет, нужно крыла,
или небесную ладью.

Молчит рука, куда ей двинуть,
кто нежно скажет – помолись,
и шляпку девушке надвинув,
с порывом ветра..., словно лист.

У слёз с фортуной передышка
мы незнакомые пока,
но наши души сердце слышат,
в них тук, тук, тук... и облака.

Попутчики по переписке,
мне к матери, ей к малышу,
но у любви не взять расписки,

я в пальчики её дышу.

В ночной тиши под лунным светом
приятно о любви мечтать,
но точно зная, что об этом,
лишь можно в книжке написать.

Айя – София

Айя- София, иглы минаретов,
густой туман над куполом висит,
века как будто спрятались от света,
и в памяти один шуршит ковид.
Константинополь, вот твоя засада,
тысячелетья, вот твой монастырь,
тут Мухаммеду вечная улада,
святому люду вечности костыль.
Юстиниан вознёс тебя из пепла,
война всегдашняя его сестра,
он стал апостолом, как Божьим слепком,
и мысль изобретательно остра.
Конец строки, куда мне бросить мысли,
уже такси летит под облака,
по вёдрам их, нести на коромысле,
как на Руси, в прошедшие века.

Апрель

Апрель, когда он только будет,
берёзы сгорбились пока,
стоят на белом скромном блюде
не заморозить бы бока.
Свет разлетелся словно улей,
со всех сторон, тьмы полынья,
и тени серым ветром сдули
то борода поверх бритья.
Чепец снегурочки колдует,
хрусталь, в вечёр златую нить,
что из морских глядит чешуек,
на них и туча мирно спит.
Тут веселятся тени сердца,
плеть кружевная на бегу,
и удлиняет нега дверцы
лучу, последнему в снегу.
Художник сник, ночь загрустила,
где теплых жилок кружева,
до утра ножик свой точила,
восток отпрял от плутовства.
На утро свежие мотивы
рисует сладостный январь,
синеют в топке веток гривы,

хрусталь слепит, так было в старь.

Сердце наше

Да сердце наше область Бога,
он запустил и выбрал – Жить,
да у него нет даже блага,
но нить судьбы он должен вить.
И думы вечные сурово
не опускай в его бокал
там не найдёшь в долине крова,
кровь движет красный круг зеркал.
И ритмы, ритмы поправляя,
я заглянул в твою тетрадь,
там звуки белого рояля...,
бемоли римские не трать.
Пред взглядом небо голубое,
Рим на шести его холмах
на площадях испанец Гойя
он ищет стиль прекрасных Мах.
Музыка жизни не погаснет,
хоть на семи живёт ветрах,
поэт, писатель, всякий мастер
несёт подругу на руках.
Вдохнуть красу и вдохновенье,
Грааль напутственно испить,
и нежно звуками творенья

зажечь дыхание ланит.

Русский мир.

Свобода, что тут может круче,
о Боже, сколько в мире дел,
вон ворон каркает, всё учит:
“не бойся, это твой удел.”
У церкви бать, златое темя
и златокудрый перезвон,
он видно всё считает время
и входит с тризной на амвон
Ты уцелел церковный кочет,
а дед мой в пламени сгорел,
да жаль, но кровь моя клокочет,
Ты сатану не одолел.
Упрямо смотрим в небо грома,
там всплеск энергии с плеча,
лучи всемирного погрома,
где печка жизни горяча.
Все мы колеблемся от Рима
но это если так сказать...,
но вот Шумеры, пилигримы,
смогли Меркурий обуздать.
И Гильгамеш, загадка смерти,
у эпоса украл мечту,
он не добыл себе бессмертье,

усилья пали в пустоту.

Библейский мир, то складень мифов,
преданий ветхих и легенд,
мы тоже там, но мы от скифов,
мы русский мир из тех же ген.

Дирижор

Бывает сердце смотрит в оба, и звуком трепетным не тронь, Тонеев тянет руки сноба вручили вам искусства крест.

И не понять её мученья, рукой не тронуть образа, но звук духовный обрученья глубоко врежется в глаза. Упругий вздох нежней и строже в преддверье алчного броска, Гаврилин сумраком дороже, где Русь как дудочка баска. И как дорогою былинной размерить песнь на туеса, о дирижёр, светись рубином, то для Ассولي паруса. Ты Клеопатра, Бог, царица, и благодарное дитя ты жребий свой несёшь как жрица, музыкой сладостной вертя. Ты негодуешь, море, бури, хор потерялся и уныл, рука зависла, в каламбуре бас скоморошину прикрыл. Тебе концерт приносит крылья и ангелы в душе поют и нас волшебные накрыли и тянут в музы, в абсолют. Огнепоклонницы и дивы мужская оторопь, оркестр, пророки вставшие в мотивы

Всё зацвело

Медлительно в порханы кружев
в хрусталь стекла вплела зима
ту белую вуаль из стужи,
а в красной юбке бахрома.

Подснежник спрятался от света,
одна рука, плечо зело,
и родинка, подарок лета,
вот это зарево влекло.

Кудесник простыней, подушки,
изнеженный её рукой,
всё шепчет сладостное в ушки,
поспи и сердце успокой.

Брильянты, зимние алмазы,
в хрустальных стёклах замело,
на шейке заголились стразы,
сирень, весна, всё зацвело.

Подвальчик

Тёмный день, прикрылся даже воздух,
ветер рвёт последний лист с куста,
по кармане бряк, там тоже роздых,
сто рублёвая, то золото, темнота.

Петербург, здесь ходят капитаны,
вот подвальчик, Пушкин там бывал,
запивали карточные раны,
а потом в Царицыно на бал.

Вечер кормит звёздным ожиданием,
строчка в низ, туман и винный дух,
жмёт оркестр на кошелек желаний
ресторан закроют после двух.

Пьяницы, поэты робкой лиры,
кто то в стол, а этот вон на стол,
новый звук послушайте кумиры,
и у всех безбашенный престол.

Вон другой, как запертый в кубышке,
зелень собирает и в казну,
подари мне розовую пышку,
вед она одна здесь на кону.

Разменять гербовый я не буду,
сам Христос из храма изгонял,
всех барыг, что подчинялись блуду,

эту заповедь и я принял.

Ноябрь

Сегодня осени ноябрь,
но солнце бьёт по чёрному,
листву качает лужи рябь
как жизнь в судьбе Печорина.
Читать роман, сгибать листы,
края слюнявя ёрничать,
а что же Бела, где цветы,
всё ж то рабыня – горлица.
Угар лучей в окно стучит,
пока..., чай по хорошему,
открою форточку – молчит,
кидая лёд с горошину.
Так и любовь порой молчит,
она про то..., заброшена,
считает дни и время чтит,
под щёчкой спит с ладошками,
она так пишется, так есть,
порою в песнях точками,
но это тоже милым весть,
по сердцу с лопаточками,
снега, дожди, сирени весть,
всю жизнь слагают строчками,
сейчас горит, а завтра в грезь,

помирился же ночками.

У млечных звёзд вся грудь видна
сосок упругий светится,
память его на склоне дня,
теперь он не отвертится,
разрывы будто чей то бунт,
поправить кофту хочется,
а язычок твой балагур
и в глазках двоеточие,
не обсуждай сей эпизод,
поэт всегда отвертится,
он улыбнётся через год
сравнив любовь с феерией.
Всю радость от любви бери
и горести развенчивай,
не отдавай её, гори,
до той житейской вечности,
в бессоннице, в рассвете дня,
когда часы развенчаны,
предметы словно полынья,
но рядом свет и женщина,
блаженная твоя судьба
ресничками обвенчана,
рубашка сонно – голуба,
ромашки жмутся в венчики.

За наши лопухи

Вспахать, посеять и убрать, .
родить народ и пропитать,
и Богородицей сиять...,
в своих краях, ты просто мать.
А говорок, то чок, то ок
Череповец и волок, лог,
завод, подшипников предлог,
за гранью слов, что слышал Блок.
Прости, в душе ещё комок,
но кто ж подумать тогда мог,
работа, дети, уголок
с учёбой выбивают сок,
в глубинке старенький пророк:
“...не забывай земельки клочок,”
вот бьётся мать меж этих строк
прощая мужниный заскок.
Учёных тьма, но ты одна,
завод тяжёлая волна,
тут выплыви нырнув до дна,
подшипник вдрызг и без вина,
“Неопалима купина,”
икона спрячь все имена,
пусть в прядь забьётся седина,

а срам..., ответственна одна.

И заменив свой гардероб
на хаки, даже сера бровь,
муж береги ребят и кров,
ушла туда где льётся кровь,
медбратом стала, мед сестрой,
ребят тащила в тыл, домой,
а ночью снайпера покой,
чтоб пулю баловать икрой.

Покрой души, но ты же мать,
где рану бинтиком зажать
а где прикрыть у глаз закат,
последний вздох у женских лат,
Твоя волна на “О” пошла,
у севера есть паруса,
простой народ, все кореша,
любой боец, её уста.

Взвесь кровь и взвесь свою любовь,
уравновесь, что скажет Бог,
любовь всегда была судьбой,
а кровь защита в страшный бой,
но ты на век, сама с собой.

Разрушь ту стену что в цепях,
не раб и тот и ты не раб,
мы все в славянских алтарях
и с детства Русь, ты в букварях.

Мы смотрим в строчки, мнѐм стихи,
не видим женщину в пути,
что видит дама — лопухи,
из той траншеи, где лихи
строчат в повязках старики,
тот бой последний, что ж сынки...,
я мать, я рядом, на штыки,
сквозь мразь, за наши лопухи

Нить Ариадны

Он был космонавтом в своих изысканьях, и был невесом и чужой, а строки летят и летят без сознания, меж звёздной туманной межой. Кротовые норы играют в узоры стих прямо нырнул не смотря белёсая стопка запнулась за взоры циклопов в тени алтаря. Запутанность чисел, седые просторы, у квантов благие дела, считают пути задевая за горы, где нить Ариадны вела. Глядят в микроскопы, трясут телескопы, везде поспевают шутя, но только строка, не подкупные стопы, смеются над ними кутя. Пусть тени сгустились, слова распустились, розан на пути мотылька, сквозь оптику стёкол, сквозь новые стили, течёт в век шальная река. Мелодии, ритмы встречают пюпитры, но водит живая рука, вода отвечает журчанию скрипки и солнцу что жжёт с высока. Сквозь призмы и линзы, рубины отчизны, дисперсию жахнем лучей, здесь строки сбегут, как народец капризный, а красный не вспомнит, кто чей. А время забыто стоит развращаясь у врат толи в ад, толи в рай, но всё перекрыто, смеялись пищали: “Кармен из брючат вытряхай.” Теперь лишь процессы от шила до мыла рожают нам времени нить, но Демон печальный летящий уныло девицу хотел соблазнить. Изгнанник из рая на север плутая, души осознав пустоту, но стоя у края, спасла запятая, она подсказала персту. Поэт в интернете две клавиши встретил, на лист запятая легла, и Демон не смог ускольз-

нута из сюжета, Тамару закутала мгла. Строка захлестнула,
строка облизнула, и рифма хрокая прошла, а Демон уже за-
плутался в Кабуле,

Не надо рая.

Я свет люблю, когда в тумане от ветра распахнётся грудь,
и даль, как будто из кармана, достанет глаз и кинет в грусть.

Хрустальные зимой поляны и ель сурово подняла свои
лохматые изъяны, смотрясь в сосуллек зеркала

День догорая смотрит в тучи и я в окно на этот смрад, ох
завтра будет снег ползучий прогулка превратится в ад.

А в комнате кубышка печки моргает жарким языком и
усыпают тихо свечки, губасто чмокая дымком.

Как чудно вечера волнение, вдвоём сидя у комелька, в уг-
лах седых шуршит виденье а рядом добрая рука.

Вино до краешка бокала, закуска – робкий поцелуй, и
проба страстного вокала, на смех нарвался обалдуй.

Вино Армении из мая таит тепло и горцев бой, да ведь оно
из гор, из рая, где Арарат и странник Ной.

И пальцы тонкие ломая вновь умываешься слезой, ты го-
воришь, “не надо рая, мне хорошо сейчас с тобой.”

Мой перезвон

По мотивам «Перезвоны» В. Гаврилина. Перезвоны нервов звонят в русскую избу, дедов там живут законы, опираясь на дугу, кружева за ниткой тонкой звон коклюшек на бегу парни хоп, дверина конка, распахнулась на беду.

Паренёк ещё безусый с дудкой плещет в небеса, нотки тонкие как бусы, звёздам дарит чудеса.

Красота – земное ложе, парни гикают в поту: “девки, кто вам всех дороже, чья игла сошьёт фату.” Смех, гармоника трёхрядка, голенищев зеркала, грех запрятанный в колядку отобьют колокола.

Ах дороженька дороже поджигает пояса, дудка дальняя всё строже..., волок, тёмные леса.

А дорога жизни схожа, топай, дрожки на беду, на кого она похожа на разбойничью нуду, плохо с любой разминуться, расплескать любовный пыл, лишь в конце найти минутку чтоб понять – конец, приплыл.

Утром дудочка сторожна, то призывы петуха, всё ему в деревне можно, на жердочке сноха.

Молодые смотрят в утро юбка, красный сапожок, ерунда, а может шутка, солнце, лиственный пожёг, девки яблочки румяны распахнули кружева, пьют частушки на поляне..., парни стоп: “Моя жена.”

На закате звёзды к хате на хрустальном поводке, разгово-

ры, нуте – нате, дудка с дролей в армячке.

Прикорнули сарафаны, а у звёздочек страда, не надейся на обманы не смахнёт и борода, что ты дролечка удумал не играй, я не твоя, кошелёк ищи у кума, у меня звезда своя.

Пастушок уж хороводит, дудка в полюшко зовёт, открывайте все отводы бабы скот уже ревёт.

Звон малиновый разбудит, к Богу душу понесёшь, вон платочек, ну и буде..., он простит, тебя спасёт, счастье мужнина забота красоту с лица не пить, у пчелы в кармане соты, в каждом мире надо жить.

Вечереет, кони бродят, водопой, река, погром, в небосводе звёздный ходик, комариный звон как гром.

Тили – тили в каждом мире вечереет не с проста звуки музыки – сапфиры, розой вспыхнет нагота, тихо солнышко ложится, вон туманная фата, закрывает глаз божница и смыкаются перста.

Прялки вьют, коклюшки дремлют, кот на печке промурчит, за окном спустилась темень лишь сверчок в углу журчит.

Подожди, пригрей сердечко, слышишь стон, не бери ручеёк, а может речка, сердце вздрогнуло в груди. под корягою налим, клещи драит старый рак, окунись и серафимы разожгут на коже мак.

Колокольчик, тройка рвётся, эй приказчик, что с тобой..., не влюбила инородца, дева топает домой.

Вон дорога – перемога, волок, утречка роса, прикорнуть

у злого стога ветер спрячет паруса, Храм, у Бога и дорога, и
жителейская душа,

пусть ты дева босонога
счастье ждёт у шалаша.

Я ж у счастья трубочист.

У природы много слов слов печальных, слов прощальных, каждый лист эпоха снов, почек вздох, весны венчальной. Поделись, пошевелись, воздух осени хрустальный, журавли небес хорист клин собрали в путь свой дальний.

Я ж у счастья – трубочист, мозг кипит, но где же выход, тру башку, глаза смочив, не осталось даже жмыха. Ветер ветви шевелит в них искать теперь пророка рассердился алфавит и лишил деревья ока.

Стонет дева, подожди, у меня зимы уроки, пусть закончатся дожди со снежком хочу поокать, бело – шёлкова кровать и пушисто одеяло..., до весны прокуковать и зачать листву сначала.

Плачут, плачут небеса, чубчик, чубчик кучерявый, в новом мире чудеса приготовили варяги, тёмный лучик звёзд укор из туманностей разлучник, в пустоте рождает сор виртуальный подкаблучник.

Красненький дьячок.

Качается судьба подруги в осеннем парке на прудах, мы говорим о старом друге и о потерянных годах. Листва сочувственно воздушна ей то же улетать пора, упавшей в лужу даже душно, пора из парка в глубь двора. Там пацаны, игра в войнушку, ах эти новости страны, делили раньше деды кружку, махорку, рваные штаны.

Истории – глубинны всходы, тут ляха жадная нога, Днепр разделял чужие броды, где гетманы сыны врага. Её волнуют судьбы мира, где Израиль, Ливан, война, меня ж, слог милого кумира, и боль, горячая струна, что пролегла в закатной гонке, кровавый след и чья вина, как по ледку, по тонкой кромке, под лёд скользнула тишина.

А тут: “Я завтра в галерею,” сказала тихо – “Красный мост”, “придёшь?”, “Я кофе подогрею,” картин полно и новый гость, молчу, я верю и не верю, там ведь собор, искусства гроздь, а комнатка с ключом от двери, там для кашне и шляпы гвоздь, ну что ж приду и сам проверю... смеюсь, а дамочке поклон, мы разошлись, как будто двери, в парадном скрипнул камертон.

На утро дождик плачет с горя закончен лета поводырь, то ветры с Северного моря холодный тянут к нам пузырь, темно, встаю холодной мышкой, зуб на зубок, не подобрать халат и плед, сам кочерыжкой, набрякла горла благодать, ту-

ман, он как всегда хохочет, невинный спрятал маячок по-
смотришь вдаль, сидит как кочет, на нити красненькой дья-
чок.

Бойся данайцев.

Timeo Danaos et dona ferentes *

из «Энеиды» Вергилия

Язык на выходе груди он и в грехах бывает вязнет, ох если
Пушкина судить то он по русскости сермяжный.

Эйнштейн, показывал язык, шальной, но ярко, натурально,
глаза смеялись, зык, да зык, энергия – бьёт виртуально.

Куда по сказкам не иди везде встречаются занозы, театр
на лево сжёт пути..., лишь прямо, где шипы да розы.

В закат на право не смотри, там осень, золотая Троя, да-
найцы нынче звонари, нам принесут не мало горя.

Европа встала на дыбы, Зевс возлежи с ней под платаном,
любовь на Крите труд судьбы, зачем Сибирь на евро рваном.

Язык когда то был один теперь как будто еврорана, ан-
глицкий рвётся господин, рога от старого барана.

*«бойтесь данайцев, дары приносящих»

Синий всадник.

Синий всадник с нежной кручи, взгляд потупь, не сбей следы, солнце чёрное за тучей, глаз в предчувствии беды. Вороньё по наши души на затылке хищный взгляд, ивы плачут, ветер душит, старый город – звукоряд. Тихий шорох, шаг летучий, нитка в рубище иглы, палкой белой ищет случай повернуть за вяз в углы. Каждый шаг асфальт глотаёт, вон чернильницу спроси, кровь души не застывает, на земной горит оси. Рядом девушки гордыня светлой радости полна, в сетке маются две дыни, как желток, но с бодуна. У бабуси, радость с гуся, в сумку с ягодкой стекла, то подарок от Маруси, есть у Бога удила. А девчонка ножки в струнку в танцевальные дела, парни бдят, глотают слюнки..., потерялась в зеркалах. Ночью месяц гасит свечи, чёрен двор, как паранджа, чернецы зажали плечи, рот защучила ханжа. Кража горькая из были, здесь обычаи свои, где озёра голубые, в горной чаше лишаи. С неба, всадник пикой в спину, разбежались чернецы, я надежду не покину, девы ожили черты. Зря жених ты размечтался, в синем глянце соль земли, голубое платье танца, в море синем корабли.

Прости и сохрани любовь. Поэма.

Прости и сохрани любовь. А.А. По мотивам Низами «Лейли и Меджнун» (12 век) А.С. Пушкин «Цыгане» «Шах-на сказал и обнажил при этом Могучий меч: «Да будет меч ответом!» Пути Меджнуна В храме Каабы. «Велят мне исцелиться от любви. Уж лучше бы сказали не живи.»

Любовь на ветер не похожа, она сиянье лепестка, ах словно солнце, но дороже, поцеловать иль сжечь века. Ты не успеешь помолиться, а день закончен, где венец, на западе его столица, у девы краденный багрец. Любовь клюёт, коварна птица, ты и меня хотела сжечь, восток и новая страница а по лучам змеилась желчь. Кто может молодость уверить, что можно изменить пути, поехать в Мекку, разве ересь, отец надежд не упустит. Напрасно..., мне аллах поверит, и страсть любви благословит, пускай далёк тот юный берег, но доплыву я до ланит. Прости и хижина и вежды песок пустыни накатись, я в них искал всегда надежды, ах если б век тот лёг на кисть. Пусть холст любви не загрунтован, Делакура поймай тот миг, герой огонь и красный Овен, а музыку напишет Григ. На белых клавишах и чёрных часы, и маятник, и жизнь, века дрожат в зубастых тёрнах за арабски лишь держись.

Отец Меджнуна «Своей тоской от так себя пронзает, что костный мозг наружу вылезает.»

Века планеты повторенья, здесь Низами, и Пушкин весь, и

я безвестное творенье, что в двадцать первый вспрыгнул век.
Вода живая, вот причина, она семья, от Бога глас, где женщина, а где мужчина..., что б уголёчик не погас. Там тень одна строкой короткой родник, песок, колючий вздох, надежда рифмы в стане кротком на перекрестье их следов. Косуля, птица, чай орлица, в когтях лоскутья принесла, аллаху надо помолиться, найдись родимый шабала. Благая весть не повинится, косуля трётся в путь пора, пока не спала багряница, а ночь покличет: чур – чура. В расщелине нашёл он сына, прости нагая сторона, но нет, пока он не мужчина, прилив, песчаная волна. Луна и море в путь уводит, прибой остудит иль убьёт и кувырком звезда со свода печали посох отберёт. Века плывут, звезду находят, мы все грешны в свои года, стучит судьбы нетленный ходик, чиста лишь юности вода. Любовный пыл и вот забродит, ключом кипит, где берега, кричи, моли, но час твой пробит, здесь золото спит и жемчуга.

Цыгане «Птичка божия не знает ни заботы, ни труда.»

Читать мы любим про Танюшу, о ней поэт слезу пролил, она терзала песней душу, цыганка..., в заговор чернил. А времена качаясь плачут, у нас аврал в двенадцать лет, цыгане требуют удачу, а табор затерял свой след. Земфира дочь святого мира она не ведаёт забот не знает кровь её кумира, судьба, ну сделай оборот. У прошлого всегда зарница, любовь, звезда поводья, она листает лица, лица, а в зазеркальи лик царя, он кинул кость..., Алеко дремлет, в нём нет добра, он господин, ему б добраться до эдема, но стоп, вот

нож... и он один.

Лейли в красе любви. «Лайли, Лайли соперница луны, Предмет благоговенья всей страны.»

Судьба с утра и в день не спросит, как разгораются сердца, я помню небо, просинь, сосны и ясный взгляд из под венца, сплелись ромашки стебель к стеблю и влас – сияющий прибор, что ветерок смеясь колеблет, и зайчик пляшет над губой. Она одна, но я робею, та буква, не любовь а мгла, и точки брызнув на аллею глядят в пустые зеркала. Гордец , не можешь смерть намерить, туда, где падает звезда, где перевозчик Лета мерит, дай рубль и в дальние года.

В садах лазурные восходы, в них девы глазки шалуны, а в волосах золотые хорды и щеки вечные лгуны. Она мечтательна и томна, всегда у глаз на поводке, цыганок грозы вероломны, но вот свобода в их руке Она невольница законов, отец всегда её судья, кому невесту эту в жёны решает Шахна и семья. Поэзия все мысли предрешила, тут муза, музыка, слова, любовь бурлит на дне кувшина, а там судьба, -людей молва.

Салам из Багдада «Был юноша, украшенный богато Достоинством, и силой, и умом, Но бедствие созрело в нём самом...»

Глаза как бешенные угли, метались кудри, лёгкий стан, фамилию её погуглив я понял, дева та шаман. Она притягивает склокой иль тёплым летним вечерком за чашкой чая или соком, журчащим тёплым говорком. Я как медведь с гу-

бой пробитой хожу за нею на цепи, строку пишу в коварный свиток, о Лель, мне сердце окропи. Она меня в мечты заводит, но руку не даёт подать, я всё томлюсь, проходят годы, с другим её грешит кровать. Глаза припухли, профиль сучен осенний лист перед дождём, по жилкам вен латают тучи, стихи затёртые корьём, они арабские сказанья, Салам подслушал их в толпе, искать любовника страданий, в пустынных скалах на тропе. Он дружбу предложил с колена, свои страданья слить в одно, но слышит он “не надо плена,” моя душа – моё вино. Прошли столетья, нас волнует вино..., у каждого своё кровать скрипит, день не минуем, клюёт в макушку вороньё.

Иби – Селам – прости. «Но вот едва лишь дерзость в нём проснулась, За фиником созревшим потянулась, Едва качнул он гибкой пальмы ствол, Как о шипы все пальцы исколол.»

Все дерзости не перескажешь, права мне дали на тебя, в стихе рифмуешь слово – важен, у юбки пояс тебе Вот простыня ещё немая, шаги от первого лица, она пылая, к стенке с края, гортань схватила хрипотца. Но то сутулый мир на охи, на вологодский говорок, здесь на болотах вязнут сохи, любовь, как старый кузовок. Арабский мир не только вздохи, Аллах, калым, муж – господин, молодой, семья даёт уроки, один кураж..., а муж один. Она орёл, она тигрица, не дам себя я обобщать, убей меня, но я девицей другого буду ожидать. А по обычаям аллаха сор на народ – лишь для чудил,

Иби – Селам жил словно плаха, пока в мученьях не почил.

Уход. «Уснули двое рядом навсегда, уснули вплоть до страшного суда»

Какая ветреная пакость плачь ветра на моей струне, то Паганини песнь из мрака, дрожит на медленном огне. И ангелы открыли двери, две половинки, две судьбы и надо видно просто верить они сомкнутся без борьбы. О камни мира отряхнитесь вы называетесь судьбой, пока мы живы, вы стыдитесь, умрём, прижмёте с головой.

Абстрактный пейзаж.

1 Танец с тенью, вот загадка, попляши в морской волне,
брызги, брызги ворон взятки ищет пёрышки на дне.

Буря жмёт, скала не знает, ей плясать иль отойти, но у
тени мысль шальная соль, намаз её пути.

Дыбом волны, словно кони, скок, поскок через пролив, в
мире чёрном всё погони, диск застыл среди олив.

Недотрога корчит рожи, пена с губ, как басмачи, ты на
рюмочку похожа, запивая куличи.

И яичко в душу к смятке из под венчика смело, убегает
без оглядки в лохмы кисти, в помело.

Вот копыта бьют в корыто, в набежавшую волну с головою
не покрытой бабка тешит бузину.

2 Вот отмычки для привычки, дверь в морскую белену,
портупея, время, лычки, рыбки в огненном плену.

3Пишет старая Тартила зарывая грудь в песок, с Буратино
было мило нала я его восток.

Тут всё тина, рябь бензина, вон из пластика стена, сок из
баночки в картину плещет горцев имена.

Вон копыта пляшут лихо, что с чертёнка можно взять, в
Вавилоне нынче тихо зайцев там не сосчитать.

В море красном кровь дымится, два народа, два сучка, на-
до древностью умыться, слезти с детского горшка.

Тумаки ломают душу, в море царствует прибой, не греми-

те вы в баклуши, треугольник вечно боль.

Наливные глазки свыше за покатою волной, рукоможник красным вышит, месяц спит над головой.

Серп, как ножичек татарский, подрезает все грехи, ты подарочек мне царский, я селянин без сохи.

Светофор за жёгся красный на калиновом мосту, соловей засвищет в раструб: «Падай ниц, я на посту.» 3 Падишах же-ну приводит отдаёт во власть скопцу, а в гареме мыслей ходик тянет к жёлтому тельцу.

Жены старшие, о ужас, в бубны бьют и по лицу, фрукты сладкие на ужин, скоро ночь примкнёт к сосцу.

Благовонья вод летучих, подогретый маскарад, вон луна скользит на туче, а на ложе сто карат.

Юный стан самца заводит, ножки – трепетная лань, нос дрожит, ползёт на коду, и в устах находит грань.

Дальше буря, море, искры, страсть поставит на дыбы, брызги, стоны прямо с кисти, все мы похоти рабы.

Вот замес, стихов начало, для картины поводырь, глазки чёрного металла, брызги с нотками в клавиш.

Ах забыл, ещё копыта, то арабов скакуны, сказка вся и карта крыта, в ночь где царство сатаны.

Перо кровавое в поту.

За стеной музыка играет звучит какой то марафон..., балета тени в сердце рая, бьёт однозвучно в рёбра фон.

Здесь плоть под музыку Вивальди под звуки скрипки в небеса, сакральны запахи лаванды, спешат в кровавые леса.

Где Дон Кихот, о даме сердца, где мельницы враги Христа и звуки в обрамленье терций, у Росинанта в плоть хвоста.

Везде от века параллели, славянский бой, бой от плеча, мозги забили интер- мели и отголоски палача.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.